

Выражение символизма при помощи лексических средств выразительности на примере произведения Садека Хедаята «Слепая сова»

Белоконь В.В.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: vbelokon@yandex.ru

Коляда П.В.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: pkolyada@mail.ru

В данной научной работе анализируется символизм образов в романе «Слепая сова», а также исследуются лексические средства выразительности, используемые автором для достижения целей художественного произведения. Лексические средства выразительности в произведении Садека Хедаята «Слепая сова» представлены различными персидскими и арабскими словами, словосочетаниями и фразами, несущими определенную образность и символизм. Данные словосочетания, фразы и обороты речи значительно усиливают эмоциональный эффект на читателя, заставляя его сопереживать в полной мере. Основные средства выразительности, содержащие символизм, приводятся с примерами их использования в тексте романа.

Ключевые слова: символизм, лексические средства выразительности, Садек Хедаят «Слепая сова».

Для цитаты: Белоконь В.В., Коляда П.В. Выражение символизма при помощи лексических средств выразительности на примере произведения Садека Хедаята «Слепая сова» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 3. С. 61–76. DOI:10.17759/langt.2023100307

The Expression of Symbolism with the Help of Lexical Means Based on Sadegh Hedayat's Novel «The Blind Owl»

Vitalyi V. Belokon'

The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia,
e-mail: vbelokon@yandex.ru

Pavel V. Kolyada

The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia,
e-mail: pkolyada@mail.ru

This research paper analyzes the symbolism of images in the novel «The Blind Owl» and examines the lexical means of expression used by the author to achieve the goals of the fiction. The lexical means of expression in the work of Sadegh Hedayat «The Blind Owl» are represented by various Persian and Arabic words, word combinations and phrases that carry a certain imagery and symbolism. These word combinations, phrases and turns of phrase greatly enhance the emotional effect on the reader, making him empathize fully. The main means of expression containing symbolism are given with examples of their use in the text of the novel.

Keywords: symbolism, lexical means of expression, «The Blind Owl» by Sadegh Hedayat.

For citation: Belokon' V.V., Kolyada P.V. The Expression of Symbolism with the Help of Lexical Means Based on Sadegh Hedayat's Novel «The Blind Owl». *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 3, pp. 61–76. DOI:10.17759/langt.2023100307 (In Russ.).

Введение

Символизм — это литературно-художественное направление, появившееся во Франции в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX века (первоначально в литературе, а затем и в других видах искусства — изобразительном, музыкальном, театральном). Символизм (от греч. *symbolon* — знак, символ) считал целью искусства постижение мироздания через символы. В литературе символизм сформировал новый тип художественного мышления, которое строилось на отражении реального мира с использованием символики, недосказанности, намеков, таинственных и загадочных образов. Общая черта символистов — отказ от воспроизведения окружающей действительности, которая представлялась им неинтересной, скучной и даже пугающей, и стремление создать картину идеального, по их мнению, мира. Излюбленными темами, к которым обращались символисты, являлись смерть, любовь, страдание, ожидание каких-либо событий. В своих произведениях символисты старались отобразить жизнь каждой души — полную переживаний, неясных, смутных настроений, тонких чувств и мимолетных впечатлений. Все это справедливо в отношении произведения Садека Хедаята «Слепая сова» [5], где автор рассказывает историю неназванного художника, который адресует свои убийственные признания тени на стене, напоминающей сову. Можно сказать, что Хедаят в «Слепой сове» в определенной степени постарался в лице главного героя изобразить жизнь мятушейся души, ее безумство, бесконечные страдания, похотливые желания и, в конце концов, смерть. Образы, созданные автором «Слепой совы», необычайно яркие и во многом символичны. Четыре главных образа (сгорбленный старик, замотанный шарфом, девушка в черном, голубой цветок лотоса и кипарис), которые передают символизм всего романа, преследуют главного героя на протяжении всего произведения.

Сгорбленный старик, замотанный шарфом (پیرمرد زوز کرده و شال گردن برته) является одним из самых ярких образов, придуманных Садегом Хедаятом. Этот сгорбленный старик в романе имеет несколько воплощений, все они зловещие, вызывают жуткий страх и приносят

Девушка в черном (دختری با لباس سیاه), «небесный ангел», по словам Хедаята, появляется впервые в начале произведения и, словно призрачное видение, сразу исчезает. Главный герой «увидел эти колдовские, страшные глаза, глаза, смотрящие на человека с горьким упреком, глаза, встревоженные чем-то, удивленные, угрожающие и обещающие ... Эти туркменские раскосые глаза, обладавшие каким-то сверхъестественным и опьяняющим блеском! Они пугали и манили, словно видели что-то страшное и чудесное...» [4]. Ее глаза, их странный блеск очаровал и заморозил художника; эта девушка возбуждала в нем «такую же любовную страсть, какую рождает вид мандрагоры» [4] (او همان حرارت عشقی مهر) [6]. Автор утверждает, что с появлением девушки в черном в жизни главного героя «впервые блеснул луч солнца. Но, увы, это не был солнечный луч, а лишь призрачный свет, падающая звезда, которая явилась мне в образе женщины или ангела... сразу же этот свет, как и должно было случиться, исчез в пучине мрака» [4]. Зловещий смех (خنده مشرؤوم) старика разрывает связь между девушкой и героем, и она сразу исчезает, а художник безвозвратно теряет покой. Потеряв связь с девушкой, герой тщетно пытается ее отыскать и признается, что «в этом мерзком мире я жаждал либо ее любви, либо ничьей» [4]. Он не может забыть эту девушку, а особенно ее глаза: «воспоминание о ее колдовских глазах или, вернее, о губительной искре в ее глазах осталось навсегда» [4]. Постоянно думая о девушке в черном, герой осознает, что она, ее глаза и взгляд — ключ ко всем загадкам и тайнам мироздания, которые его мучили (نلسنی و مغماهای الهی را برایم حل بکنید... من احتیاج باین چشم ها داشتم) (و فقط یک نگاه او کافی بود که همه مشکلات) Хедаят сравнивает поиски героем этой девушки с поисками долгожданного покоя и смысла жизни и описывает их встречу возле саку как «сладостную муку, о которой трудно рассказать» [4]. Эфемерность этой встречи подчеркивается сложными эмоциями, которые испытывает герой: это и «несказанное наслаждение», и «погружение» в ее черные глаза, и сильное волнение, как если бы он отчаянно боролся за жизнь. Вместе с тем с ее приходом герой ощущает дыхание смерти, и сомкнутые глаза девушки символизируют ее отстраненность, дистанцию между ними. Эта сцена словно убийственный приговор всей жизни героя: این همان کسی بود که تمام زندگی مرا زهرآلود کرده بود و یا (بشود... اصلا زندگی من مستعد بود که زهرآلود) «Это была та самая женщина, которая отравила всю мою жизнь. А может быть, так было суждено, чтобы жизнь моя стала отравленной и я, кроме загубленной, отравленной жизни, и не мог иметь иной» [4]. В этот момент у художника рождается непреодолимое, на грани безумия желание запечатлеть умершую девушку, а особенно одну деталь — ее лицо и глаза. В «Слепой сове» образ этой девушки, ее колдовских глаз ассоциируется с несбывшейся любовью главного героя. Отдельно следует указать, что тема смерти и жизни очень необычно обыгрывается в этой сцене: с одной стороны, герой был «художником мертвецов», а с другой — хотел, чтобы рисунок «впечатлял, был живым», а жизнь в него должны были вдохнуть большие глаза девушки, «выражение ее глаз». Рисунок лица и глаз девушки в черном символизирует чистую любовь героя, которой он был лишен в жизни. Для художника очень важно, что теперь после смерти девушки он обладает «этими глазами... душой этих глаз», и ее образ навсегда останется с ним. Любовь героя парадоксально сочетается в нем с качествами мясника, которыми Хедаят наделяет его для расчленения тела, что сыграет свою роль по мере развития сюжета во второй части произведения. Злой рок в виде сгорбленного старика-возницы сопровождает героя при перевозке тела умершей девушки. Погребальная повозка с тощими лошадьми и пейзаж по обеим сторонам дороги соответствуют мрачной атмосфере. Хедаят сравнивает тощие ноги лошадей погребальной повозки с отрубленными руками

воров, «которые затем опустили в кипящее масло». Пейзаж включает в себя «... странные, словно проклятые кем-то деревья, за деревьями виднелись то треугольные серого цвета дома, то дома в виде призм или кубов с ... окнами без стекол. Эти окна напоминали безумные глаза бредящего... Вероятно, эти дома были построены для призрачных теней каких-то неведомых существ» [4]. Это описание должно подчеркнуть безумное состояние героя и сюрреализм происходящего. Безмятежность места, где он решил похоронить девушку, контрастирует с его внутренним состоянием: چون پید از آنکه آن چشمهای درشت را مزان خون برانیم و یکسان بود که بمکان و دل مه شده دیده بودم، در شب تاریکی، در شب عیبوی که سرتاسر زندگی مرا فرا گرفته بود راه میرنم، ماوانی برسم تا هرگز نرسم. دو چشمی که بمنزله چراغ آن بود برای همیسه خاموش شده بود و در اینصورت *«После того как я увидел ее огромные глаза в сгустках крови, я брел и брел в темной ночи, в той глубокой ночи, что обволокла мою жизнь. Потому что те светившие мне два глаза закрылись навсегда, и мне теперь было все равно, достигну ли я какого-нибудь пристанища или никогда не доберусь до него»* [4]. После завершения сцены с похоронами герою достается важный символический предмет — گلدون راغہ («ваза для цветов из старого Рея»). Это предмет, который представляет из себя древний кувшин, упоминается в ключевые моменты произведения. Ваза для цветов и девушка в черном, эти два символа неразрывно связаны и несут особый смысл в романе. Герой испытывает потрясение от того, что обнаруживает изображение той неземной девушки, которую он обожает, в центре кувшина. Он понимает, что ее магические, колдовские глаза *«упрекали меня, как будто я совершил непростительный грех... в глубине глаз светились искры ненависти»*. Это открытие для героя станет таинственным и радостным одновременно, так как ему важно знать, что у него *«в древности был товарищ по несчастью... что и он страдал из-за двух громадных черных глаз»* [4]. Символизм цветочной вазы или кувшина заключается в том, что это своего рода «крест» для героя, груз, который ему нужно нести всю жизнь и от которого не избавиться. Тяжесть кувшина сравнивается в романе с тяжестью трупа. Девушка в черном в романе символизирует отравленную, полную страданий несбывшуюся любовь главного героя, которая не дает ему никакого шанса на нормальную жизнь и на счастливый финал произведения.

Голубой цветок лотоса (گل نیلوفر کبود), будучи одним из главных символов романа, особенно влияет на мироощущение и настроение главного героя. Девушка в черном, «небесный ангел» для художника, все время протягивает цветок лотоса старику на его рисунках и в его видениях. По мнению героя, этот цветок лотоса не был обычным цветком (فهمیدم که آن گلهای نیلوفر گل معمولی نبوده) [6], он обладал какой-то магией, был словно нереальным и неземным. В романе голубые лотосы упоминаются как деталь обстановки, а также в ключевых моментах произведения. Так, лотосы росли в щелях домов «неведомых геометрических форм», лотосы были посажены героем на могиле умершей девушки в черном, узор по краю кувшина или вазы для цветов состоял из голубых лотосов, а также они служат для изображения природы в «Слепой сове». Цветы лотоса своей красотой, чистотой и свежестью разбавляют мрачный сюжет романа. Эти цветы на покрытом глазурью древнем кувшине однозначно сочетаются с таинственным, опьяняющим изображением девушки и подчеркивают ее неземную сущность и чистоту. Вместе с тем голубые лотосы, которые были посажены героем на могиле девушки, ассоциируются у него с запекшейся кровью и ее гниющим трупом, что говорит о неизбежности ее смерти (در میان خون غلیظ... به خاک سپرده) [6]. Лотосы, по мнению главного героя, могут вырасти в любом месте, а против неотвратимой смерти нет аргументов. Описание лотосов также приводится во время

прогулки героя по прелестной лощине и по улицам неизвестного города из его сна, где он блуждает между реальным и вымышленным мирами и видит видения. В целом, голубые лотосы в романе символизируют саму жизнь, незапятнанную чистоту и стремление к совершенству, но все это недостижимо для главного героя.

Кипарис (تخرد ورس), дерево грусти, печали и смерти, считается очень противоречивым символом. С одной стороны, высокие и стройные, но при этом темные и мрачные силуэты кипарисов с древних времен служили символом печали, скорби, траура и смерти [2]. Но, с другой стороны, именно это дерево является символом вечной жизни. В «Слепой сове» совокупно это дерево упоминается довольно часто. Естественно, главный герой, будучи художником, всегда рисовал кипарис на своих рисунках, но следует отметить неизбежность рисования именно этого дерева и остальных символов романа (فقط... و دانه می چه هو م ی شاقن) [6]. Затем, мучимый исчезновением девушки в черном, герой упорно искал ее и кипарис, чтобы обрести покой (در یمن زندگی آرامش دی ت و ل شدیم...رگا) [6]. Под кипарисом героя поджидал сгорбленный старик-возница повозки, и там же, под кипарисом на берегу реки, он выкопал яму, чтобы похоронить умершую девушку. Приятные воспоминания художника также связаны с кипарисом: сидя в тени старого кипариса, он увидел маленькую девочку, прообраз его неземной любви, а в детстве среди кипарисов герой впервые пережил возбуждение от переодевания его будущей жены. Опять же под кипарисом художник всегда изображал сгорбленного старика в чалме, который играл на сетаре. В «Слепой сове» кипарис является скорее негативным символом: именно под кипарисом героя неизменно поджидает сгорбленный старик, который символизирует смерть и разрушает его жизнь и любовь.

Помимо основных символов, некоторые другие предметы и даже понятия передают в романе определенный или особый символизм. Например, вино и опиум (اکیرت و شراب) сопутствуют герою в трудных ситуациях, когда он сбив с толку, растерян, напуган или переживает душевные страдания. К вину и опиуму он прибегает как к спасительному средству, так как, по его ощущениям, он словно заперт «в четырех стенах» своей комнаты. Воображение героя обостряется после приема вина или опиума, образ желанной девушки предстает более ярким, мысли становятся колдовскими, и он погружается «в полузабытье, в полубморочное состояние... будто с груди моей сняли тяжесть, будто для меня перестал существовать закон тяготения... Это состояние было для меня полным смысла и наслаждения» [4]. Опиум потрясающе влияет на героя: بود که از مرگ هم کیفش بیشتر بود. بیدری این («Действие опиума было глубоким и прекрасным, сладость его была больше сладости самой смерти!») [4]. А глоток вина, в которое его мать добавила ядовитые зубы кобры, способен избавить его от всех кошмаров жизни (شرابی که زهر دندان ناگ در آن حل شده بود و با) [6]. Чтобы выделить значимость этого вина для героя, Хедаят говорит, что это было «красное вино, эликсир смерти, который с легкостью дарует вечное забвение» [4] (شراب ارغوانی، اکیرر مرگ که آسودگی همیشگی میبخشد) [6]. Вино и опиум несут символизм прежде всего для самого главного героя. Без сомнения, они — символы сладости и блаженства в его мрачной жизни.

К другим предметам и понятиям, передающим особый символизм в романе, можно отнести: нож с костяной рукоятью (کسید سه ته گ زل ی ناوختسا), числа 2 и 4, песню ночного патруля (زاوا همزگ تسم) и, конечно, тень (هی اس) на стене, которой главный герой рассказывает историю своей жизни.

Нож с костяной рукоятью (کی د سده ته گ زل ین اوختسا) считается одним из важнейших символических предметов в романе. Впервые герой использует нож, чтобы расчленить тело умершей девушки в черном, что сразу же указывает на трагический смысл этого предмета. Таким же ножом мясник в мясной лавке «осторожно режет туши на части, потом с улыбкой продает их покупателям» [4] (که ت که که ک ندیم گ وشت و مّ بسم بارالخ انش یی مشد تر) [4]. Впоследствии в своем сне, у мясной лавки герой захотел отобрать этот же нож у оборванного старика, но не смог, потому что еще не был готов совершить убийство. По мере развития сюжета герой принимает «страшное решение» об убийстве жены, ощущая странное, необычное удовольствие, подобное тому, что испытывает мясник из мясной лавки при разделке туш (یب اریختکه که ک ردم حس ا خوا سد تمی او از م دی که دا شد تم الزم یی ک نم ت قل نی ا فی منهم ب ک نم را ک) [6]. Работа мясника, которую тот выполняет большим ножом с костяной рукоятью и от которой получает «особенное наслаждение», вызывает у художника эротические фантазии: мясные туши, которые ласково гладит мясник, ассоциируются с гладким телом его жены. В конце произведения герой, терзаемый сомнениями, даже забрасывает нож с костяной рукоятью на крышу дома, чтобы избавиться от преступных мыслей, которые данный предмет в нем порождает (که ار هه چون اف تی ج نازی را آم نی کی گ زل می ی را دی لوت درک دوب... کی را گ زل یور ماب) [6]. Однако нож так или иначе опять попадает в руки героя из рук кормилицы, словно будущее убийство уже предначертано. Хедаят сравнивает убийство жены героя и получаемое при этом удовольствие с удовольствием, которое испытывает мясник, вонзая нож в теплую мясную тушу и разрезая мякоть на части. Итак, нож в произведении — символ предстоящего убийства, фатальной неизбежности, фатума, от которого герою никуда не деться.

Числа 2 и 4, причисляемые к значимым символам в романе, выбраны Хедаятом намеренно. В «Слепой сове» числа 2 и 4 упоминаются прямо и завуалированно несколько раз. В начале романа проходит два месяца и четыре дня, с тех пор как герой теряет «след» своей возлюбленной, «но воспоминание о ее колдовских глазах... осталось навсегда» [4]. Спустя два месяца и четыре дня на пороге дома художника появляется его давно пропавший дядя, сгорбленный старик «с индийским тюрбаном на голове», предвестник зловещих событий. Два месяца и четыре дня герой, «как убийца, упорно приходящий к месту преступления» [4] (6) [شخص ما ندند] (یحمل به که خون تی ی ر خودشان چنا گ رددیم) [4], исследовал окрестности, чтобы обнаружить следы исчезнувшей девушки. Несколько раз художник пытался всучить вознице и могильщику плату в размере два крана и один аббаси (один аббаси равен четырем шахи), но не преуспел в этом — его плату не приняли. Наконец, два месяца и четыре дня художник спал поодаль от своей жены без физической близости и очень страдал из-за этого, что, по замыслу Хедаята, подчеркивает неудовлетворенность от любви и унижения героя. Два года и четыре месяца в комнате, похожей на могилу, герой «постоянно ждал жену, но она не приходила никогда» [4] (و ت ن گ تر من ک تری رات زا ربق) [4]. В романе «Слепая сова» числа 2 и 4 подчеркивают трагизм судьбы и одиночество героя, повторяемость и цикличность терзаний; его жизнь идет по трагичной спирали, и это никак не изменить.

Песня ночного патруля (زاوا ممزگ تسم) является важным элементом фона произведения. Песня звучит четыре раза в романе, означая изменения внутреннего состояния героя: от страха и мрачных ощущений при первом звучании к болезненному волнению и тоске при втором, плотскому искушению и возбуждению при третьем и, наконец, к ощущению какой-

то сверхчеловеческой силы при четвертом звучании (شراب ملک ری) [6]. Песня пьяных стражников в романе символизирует измененное состояние художника и пробуждает в нем решимость покончить с отвратительной женой-потаскухой (آوازش مهل ارتعاش ناله ارره در گوشت تن رخنه میکرد، فریاد میکشید و ... مرگ آهسته آواز خودش را زمزمه میکرد) [6].

Воображаемая тень на стене (هی اس) является одним из главных безмолвных персонажей в произведении, с которым художник делится своими мыслями и историей жизни. Тема теней является одной из ключевых в романе «Слепая сова». По мнению Хедаята, тени делятся на два типа: «похотливые, самоуверенные», а также «густые, большие», как у жены героя и остальных людей, и жалкие и слабые, как у него самого. С первых страниц романа герой утверждает, что пишет «*лишь для своей тени, которая появляется на стене при свете лампы*» и испытывает потребность рассказать своей тени о себе. Тень на стене, единственный молчаливый собеседник героя, всегда внимательно слушает и скрашивает его одиночество. В условно второй части романа эта потребность рассказать тени свою историю многократно усиливается: (ن ای ای است من زندگخواهی شراب نه، عصاره، م) [6]. Для образности жизнь героя сравнивается с «виноградной кистью», которую нужно выжать и «*сок ее по капле влить в сухую глотку этой старой тени*» [4]. Тень незримо следует за художником во всех ситуациях: во сне он видит свою тень без головы, в доме прячется тень мясника, а в бане героя сопровождает множество разных теней. В конце романа художнику в безумном состоянии кажется, что на стене уже не одна его тень, а совокупность ненавистных теней окружающих людей, среди которых он заточен (مرد هی اس) [6]. Герой становится похожим на сову, его тень напоминает сову, у которой, возможно, такие же больные мысли, как у главного персонажа (دیشم مدوب ... دی هم جغد شایف کرم من مثل که دارد مرض) [6]. Это символизирует окончательное разрушение личности художника, он становится сгорбленной тенью, оборванным стариком.

Садек Хедаят в «Слепой сове» использует различные лексические средства, чтобы подчеркнуть выразительность и символизм своих образов. Основные лексические средства, присущие роману «Слепая сова», включают фразеологизмы, сравнительные обороты, разговорные и диалектные слова, эмоционально-оценочную лексику, бинарные сочетания, редуPLICATIONS, изафетные конструкции, восклицательные, вопросительные и побудительные предложения и некоторые другие.

Автор употребляет различные фразеологизмы и идиомы при описании внутреннего состояния персонажей, их характеров и событий в романе. При этом создается определенная образность, необходимая для лучшего понимания замысла произведения. Так, фразеологизм «*в незапамятные времена*» подчеркивает тяжесть и мрачность места проживания героя, который ощущает все «выбоины и дыры» своего жилища и соседних домов. Эта мрачность и беспросветность преследует художника постоянно, а дома он словно находится в загробном мире. Состояние ужаса и непреодолимой дрожи сопутствует герою вплоть до развязки романа, что подтверждается при помощи фразеологизма «*вляпавшись в соловое печенье*» и повторяется при каждом появлении сгорбленного старика. Фразеологизм «*заячья губа*» [6] обязательно связан с резким жутким смехом, после которого герой не знает, куда ему деться от стыда. Выражение «*заячья губа*»

служит для характеристики дяди героя, сгорбленного старика, и его самого после трансформации в такого же физически и духовно мертвого персонажа. Заячья губа персонажей ассоциируется с их врожденным пороком, уродством и ненормальностью, и сам художник не раз утверждал, что ему не суждено было жить обычной жизнью. Фразеологизм «ничего не мог поделывать» [6] полностью отражает неудачи и безуспешные попытки главного героя отыскать девушку в черном с «колдовскими глазами» и необходимость смириться с реальным положением. Выражение «серый и одиозный человек» (سر ی و د زده خد کم خودم جا) обозначает крайнюю степень изумления или страха, пережитого главным героем. Подобные эмоции, например, герой переживает возле канала Суран в тени старого кипариса: «серый и одиозный человек» (سر من گ ذشت من ی اج مدوخ مکشخ هدز) где он видит маленькую девочку, прообраз своей неземной любви. Фразеологизм «на душе отлегло» (دمی ذ فس کش یراحت) означает в тесен «меинечгелбо с лунходзв, олгелто ешуд ан» скрытый смысл. Помимо основного значения, это выражение также подразумевает, что герой в этом акте «отпускает» свою безнадежную любовь, прощается с ней. Крылатое выражение «на душе отлегло» (دمی ذ فس کش یراحت) вместе с фразеологизмом «на душе отлегло» и описывает редкое состояние облегчения и спокойствия не характерное для героя. В «Слепой сове» художник испытывает такое состояние умиротворения и спокойствия лишь наедине с природой, вдали от мирской суеты. Идиома «на душе отлегло» (دمی ذ فس کش یراحت) в яорег теузиреткарах огесв ешчул «цветрем йичядох» условно второй части произведения. Садег Хедаят наделяет художника этим неприятным эпитетом, подчеркивая его физическую дряхлость, опустошенность, безжизненность и скорую смерть. Кроме фразеологизмов и идиом, автор романа также использует олицетворения и эвфемизмы. Например, фраза «алиарза акур» (لی ازرع یسته) как метафора приближающейся смерти, так как архангел Азраил считается поэтическим олицетворением смерти, и умирающие чувствуют его присутствие [1]. Эвфемизм «меняла пленки» (تر و خشک) используется автором, чтобы подчеркнуть беспомощность главного героя, то, что он сродни ребенку, а описательное выражение «совать ногу осла в тину» (تسد رخ وت نجل ندد) аллегорически указывает на половой акт.

Сравнительные обороты служат для создания стилистической окраски произведения и придают ему образность и яркость. В романе «Слепая сова» сравнительные обороты как средство художественной выразительности достаточно распространены. Так, символический сгорбленный старик сравнивается в романе с индийским йогом, который сидит под кипарисом, натянув на себя абу и замотавшись чалмой (کی سرو درخت دمی کشیم که رشیز) «мерзкие мысли этого старика получают сравнение с сорной травой» (یرمردی) [6]. Главный герой и девушка в черном, его «небесный ангел», наиболее часто отмечены в сравнительных оборотах в произведении. Например, при описании девушки автор говорит, что ее губы словно «оторвались от долгого, страстного поцелуя», но не насытились им (یهنوز ول ریس هدشن دوب) [6]. Она также сравнивается с лунатиком или сомнамбулой (ک ذ فری باوخ درگ) [6] и с изможденным ребенком (یا) [6]. Автором подчеркивается эфемерность и неземная сущность объекта обожания главного героя. Кроме того, она напоминала «женский корень мандрагоры» [4], любовный наркотик, который ненадолго покинул свою пару (ادج مدرک دنشاب).

دون «Ведь знаешь, что я здорово копаю могилы!... Вот яма, как раз по размерам чемодана, в самый раз! А?» [4]. Оборванный старик, нахваливая товар, так предлагает свой кувшин: «Этому кувшину цены нет, а? Возьми, молодой человек, оцени по достоинству, насколько он хорош!». Кроме того, диалектные фразы служат связочными «мостиками» повествования, чтобы отвлечь от исповеди жизни художника, которую тот хочет выжать по капле как «виноградную кисть». В частности, такими «мостиками» являются возглас уличного разносчика «صدفرا! بیره توتاش!» «Кто желает полезные для печени черные тутовые ягоды!» [4] или признание кормилицы «منك! «У всех нас сердце изболелось. Хоть бы его бог прибрал, успокоил его наконец!» [4] или фраза потаскухи «ام نورت من وگش و نت فرگ!» «Пошла я не вовремя в подвал, а бес меня там и ущипнул!» [4].

Эмоционально-оценочная лексика, представляющая интерес для данного исследования, включает оценочные слова и выражения, которыми автор или главный герой наделяет второстепенных персонажей романа. К ласкательным оценочным словам относятся такие слова, как «شاه-دجان, любимая», «مرتخدا» «доченька», которыми ласкательно называли жену художника. К оценочным словам с негативной характеристикой можно отнести: «ملاجراه» «сброд, отребье, подонки общества», «متاكل» «потаскуха, проститутка», «شكاج» «сводник, сутенер», «وداج» «колдунья, ворожея», «قمحاه» «дураки», «قمحاه» «глупец; идиот», «مردھایمخت» «самцы, жеребцы», «هنامور» «енамор в ястюзьюлопси аволс итЭ». «يциндуلب, يцинتوپسار» «احمق ها، رجلاه» (جانو یمردھ، یزن تخم یھ یرشح) «ярег ынеж» (ه، احمق ها، رجلاه) и его самого «شکاج قمحاه». Выражение «مچھین ادخ» «полубог», которое почти обожествляет старика-старьевщика, можно причислить к оценочным словам с позитивной характеристикой.

Бинарные сочетания, отобранные для данной работы, представляют собой словарные пары, объединенные по принципу семантической тождественности или дополнительности компонентов и связанные между собой при помощи соединительного союза «و» «и» «и». Рассматриваемые словарные пары включают в себя разряды имен существительных, прилагательных и глаголов. Бинарные сочетания существительных характеризуются семантической тождественностью или дополнительностью составных частей. Так, к семантически тождественным словарным парам существительных относятся: «مهف و کاردا» «понимание, восприятие», «لآز و ابد» «вечность», «میب و هواس» «страх, ужас, опасение», «دس و عنام» «препятствие, помеха», «تیب و قسه دكا» «бедность, нищета», «دنگ و وك» «копание, рытье», «نقش و نگار» «узоры; орнамент, рисунок» и другие. Семантически дополняющими бинарными сочетаниями можно считать «ترس و زل» «страх и трепет», «پر و پال» «перья, оперение», «شراب و خواب» «вино и мечтания», «پوتربنی و شراپ» «потребности и страсть» и т.д. В романе встречается значительное количество бинарных сочетаний прилагательных, обладающих семантической тождественностью или дополнительностью компонентов. Можно привести следующие примеры семантически тождественных прилагательных: «كلفت و قطور» «толстый, крупный», «سویج و بیغر» «удивительный, странный», «مات و منگ» «изумленный; обалдевший», «خستته و کوفته» «уставший, обессиленный». Семантически дополняющие бинарные прилагательные отличаются по значению и совокупно обогащают словарную пару, например: «درز و مرک» «желтый и изъеденный червями», «مکحم و ندرگ تفلک» «плотный и внушительный», «زنده و ترسناک» «безумный и смешной», «زنده و ترسناک» «безумный и смешной».

«отталкивающий и страшный». Бинарные сочетания глаголов встречаются реже, чем парные существительные и прилагательные. Глаголы в таких парах наделены одинаковым значением, например, «جلف و تخرک ندرک» «вызвать оцепенение, парализовать», «مظنم ندرک و مرتب» «приводить в порядок, упорядочивать», «ستين و دوبان ندرک» «погибать, исчезать; уничтожаться», «چچ ندروک و ستين و دوبان ندرک» «уничтожать, истреблять», «مړتيا» «мяться, морщиться». Всего в романе насчитывается более 70 различных бинарных сочетаний, служащих для структурной связанности текста и повышения его выразительности и отражающих языковую реальность того времени.

Редупликации или повторы, выражающиеся в удвоении целого слова или его части, весьма характерны для романа «Слепая сова». Редупликации служат для передачи интенсифицированного значения, эмоциональной окраски текста и подчеркивания каких-либо деталей. При описании персонажей автор часто прибегает к использованию повторов, например: «[6]دانه دانه شمرد [شدی آمده به ود م رونیب شیزاز که را اش ک و سه ر ریز لاش ندرگ] «Его редкую бороденку, которая торчала из-под шарфа, можно было пересчитать по волоску» [4] или «[4]شده دنده دیل رزی م دهی به ر دهی به ر دی ذخی شانه و ... م شیزاز ها» «Старик отрывисто смеялся ..., и его плечи тряслись от раскатистого смеха». Редупликации часто используются при описании природы, пейзажа или фона, сопутствующего повествованию. При такой редупликации автор использует наречия-повторы: «دسته، دسته فیرد ف، یرد گ دشت تندی» «Кучки деревьев робко теснились, мелькали чередой» или «ک نار» «Крадучись я подошел к кровати и увидел, что она спит, как усталый ребенок» [4]. Кроме того, редупликации часто находят применение при выражении эмоций главного героя и других персонажей. Например, «ام م تل اب بچکادم هی خشک سا یولگ رد مرطق مرطق، ارنا بارش ... خواهیم حال» «[6]ریت «Моя жизнь понемногу плавится словно свеча». При этом повторам могут сопутствовать другие средства выражения эмотивности, в частности, восклицательно-побудительные предложения: «گ فتم تل " !کن وا گ رذن تو شال " :م نی خواب که به ود ا، دیدی دنلب دنلب اب شدوخ» «(Как будто во сне про себя громко говорила: «Ну, снимите уже шарф с шеи!»).

Изафетные конструкции получили самое широкое распространение в романе. Благодаря этим конструкциям обеспечивается детальная прорисовка и колоритность символических персонажей произведения и окружающей их обстановки. Изафетные конструкции, отобранные для данной работы, раскрывают темы любви, жизни, смерти, природы и пейзажа, блаженства, портрета и теней. В романе чувство, которое испытывает главный герой, противопоставляется любви остальных людей, т.е. «сброта». Остальные люди, или «сброд», обесценивают прекрасное чувство любви, для них любовь — это временное безрассудство (یولنگار یتقوم), непристойные песни (مزره) и вульгарные выражения (کیکر) «люблю акинжодух ялД. (اصطلاحات)». «далекие и болезненные» воспоминания (نا عشق). «безнадёжная любовь» (یادگ ارطی دور و کان درد) главного героя определяется как «отравленная» (یگدنز دول آرهن) или ассоциируется со сплошной черной стеной (واری امیس کیرات), через которую не пройдет даже лучик света. Смерть, одна из ключевых тем романа, получает множество определений, например, «گرم» «холод смерти», содрогающий героя, или «رابع گرم» «дымка смерти», которая видна в его глазах. Надвигающуюся смерть также символизируют пиала ядовитого вина (دول آرهن) (مخل) «мягкое мясо без костей» (دنفسوگ) «алей шараб» (الهی شراب پ

подчеркнуть трагизм произведения; деструктивный тон повествования преобладает.

Из всего обилия художественных средств можно особо отметить сравнительные обороты и бинарные сочетания, которые встречаются в романе наиболее часто. Остальные средства выразительности при скрупулезном анализе могут представлять интерес для дальнейших лингвистических исследований по лексикологии и фразеологии.

Литература

1. Азраил (Гавриил) — архангел смерти в исламе [Электронный ресурс]. URL: <https://dalamar.diary.ru/p66930707.htm> (дата обращения: 05.06.2023)
2. Карпова Е., Кузнецов А. Древесные породы: кипарис. Символ вечного существования души // ЛесПромИнформ. 2016. № 3 (117). С. 92-97.
3. Муллахметова Д.И. Рецепция творчества Садека Хедаята в Исламской Республике Иран на примере повести «Слепая сова» // Гуманитарный акцент. 2020. № 2. С. 56-62.
4. Хедаят С. Слепая сова [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnyeromany/romany/roman/173867-sadeg-hedayat-slepaya-sova.html> (дата обращения: 05.06.2023)
5. Хедаят, Садег [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D1%8F%D1%82,%D0%A1%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B3> (дата обращения: 05.06.2023).
6. صدق ها، تهرآن چهارم، چاپ ک ور، ۱۳۳۱، ص ۳۱- [Хедаят С. Слепая сова. 4-е изд. Тегеран. С. 31-821]

References

1. Azrail (Gavriil) — arkhangel smerti v islame [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://dalamar.diary.ru/p66930707.htm> (Accessed: 05.06.2023) (In Russ.).
2. Karpova E., Kuznetsov A. Drevesnye porody: kiparis. Simvol vechnogo sushchestvovaniya dushi // LesPromInform. 2016. № 3 (117), pp. 92-97 (In Russ.).
3. Mullakhmetova D.I. Retseptsiya tvorchestva Sadeka Khedayata v Islamskoi Respublike Iran na primere povesti «Slepaya sova» // Gumanitarnyi aksent. 2020. № 2, pp. 56-62 (In Russ.).
4. Khedayat S. Slepaya sova [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnyeromany/romany/roman/173867-sadeg-hedayat-slepaya-sova.html> (Accessed: 05.06.2023) (In Russ.).
5. Khedayat, Sadeg [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D1%8F%D1%82,%D0%A1%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B3> (Accessed: 05.06.2023) (In Russ.).
6. صدق ها، تهرآن چهارم، چاپ ک ور، ۱۳۳۱-۲۵۹۱، ص ۳۱- [Khedayat S. Slepaya sova. 4-e izd. Tegeran, pp. 31-821].

Информация об авторах

Белоконь Виталий Викторович, кандидат филологических наук, заместитель начальника кафедры средневосточных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vbelokon@yandex.ru

Коляда Павел Владимирович, преподаватель, кафедра средневосточных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pkolyada@mail.ru

Белоконь В.В., Коляда П.В.
Выражение символизма при помощи лексических
средств выразительности на примере произведения
Садека Хедаята «Слепая сова»
Язык и текст. 2023. Том 10. № 3. С. 61–76.

Belokon' V.V., Kolyada P.V.
The Expression of Symbolism with the Help of Lexical
Means Based on Sadegh Hedayat's Novel «The Blind Owl»
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 3, pp. 61–76.

Information about the authors

Vitalyi V. Belokon', PhD in Philology, Deputy Head of the Department of Middle Eastern Languages, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, e-mail: vbelokon@yandex.ru

Pavel V. Kolyada, Lecturer, Department of Middle Eastern Languages, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, e-mail: pkolyada@mail.ru

Получена 01.09.2023
Принята в печать 15.09.2023

Received 01.09.2023
Accepted 15.09.2023